

ПЕРЕЕЗД АКАДЕМИИ НАУК В МОСКВУ

В.Д.Есаков

Академия наук как «первенствующее ученое сословие в Российской Империи» [1], было создано Петром I в строящейся новой столице Санкт-Петербурге при Императорском дворе и являлась одним из высших установлений Российского государства. Более двухсот лет С.-Петербург — Петроград — Ленинград был единственным академическим городом России. Непременным условием заключения контрактов с иностранными учеными о научной деятельности и последующего избрания в члены Академии было проживание в столице. Туда же обязаны были переезжать и отечественные ученые после их избрания. Только там создавались и находились академические научные учреждения. Да и сама Академия за первые два столетия именовалась как Санкт-Петербургская Императорская.

Возрастание научного знания и расширение научного творчества в российских условиях привели к становлению в России университетских центров, в которых, наряду с подготовкой высших учебных и научных кадров, все большее место занимало изучение совокупности дисциплин, связанных с развитием научного знания. Первым из этих центров стала Москва, а затем Казань, Томск и др. В 1819 г. начал действовать Петербургский университет. Всего в России в 1916 г. существовало 11 университетов. Хотя как Академия наук, так и университеты находились под высочайшим покровительством и именовались императорскими, они входили в ведомство Министерства народного просвещения и находились под его жесткой опекой.

Целая серия выдающихся открытий в науке на рубеже XIX и XX веков положила начало тому процессу, который великим В.И.Вернадским еще в 1915 г. был назван «эпохой величайшей научной революции» [2]. Сложившаяся же в России к началу XX в. система научных учреждений и кафедр не отражала возросших

потребностей в развитии науки. С.-Петербургская академия наук с трудом откликалась на новые веяния и вела замкнутый образ жизни. Разрозненные исследования, проводившиеся в вузах различных ведомств, велись без всякого согласования и отражали скорее личные потребности их руководителей, чем нужды науки. Отсутствие материальной поддержки со стороны государства, постоянная нехватка средств даже в привилегированных Академии наук и университетах являлись основным препятствием на пути развития российской науки.

Реакцией отечественной науки на трудности материального положения стало подключение к финансированию науки прогрессивно мыслящих промышленников, как Д.П.Рябушинский, и появление в стране новых научных объединений. Москва заняла лидирующее положение в организации научной общественности, ставящей перед собой широкие задачи — от финансирования отдельных работ до создания научно-исследовательских институтов [3].

В 1909 г. в Москве на средства, завещанные крупным промышленником Х.С.Леденцовым, для поддержания исследований в области естествознания и технических изобретений было основано «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С.Леденцова». Оно финансировало работы Н.Е.Жуковского по аэродинамике, исследования Л.А.Чугаева в области изучения платины и других благородных металлов, выделяло средства В.И.Вернадскому на организацию экспедиции по поиску месторождений радия, обеспечивало деятельность физической лаборатории П.Н.Лебедева и т.д. Леденцовское общество содействовало организации исследований ученых, не только работающих в Москве. Им были выделены средства академику, первому российскому лауреату Нобелевской премии (1904 г.) И.П.Павлову на устройство лаборатории для изучения высшей нервной деятельности при императорском Институте экспериментальной медицины в С.-Петербурге [4].

Как реакция на разгром Московского университета, учиненный министром народного просвещения Кассо, в 1912 г. было создано Общество Московского научного института с целью организации новых очагов исследовательской работы. Взяв на себя, как писал председатель Общества Н.А.Умов, «почин в устройстве вольной научной академии» [5], оно приступило к разработке проектов и созданию первых в России научно-исследовательских институтов. С 1 января 1917 г. в Москве на Миусской площади началась деятельность Физического института Московского научного общества — первого в России научно-исследовательского института физики.

В начале XX в. увеличивается число москвичей, достаивающихся избрания в состав Академии наук. В 1900 г. академиком был

избран историк В.О.Ключевский, но ввиду отказа переехать в Петербург, его, «москвича, не обучавшегося петербургскому чиновничеству» [6], перевели в почетные члены. После событий в Московском университете переехал в столицу В.И.Вернадский. В 1914 г. для избрания в Академию был выдвинут физик П.П.Лазарев, но в связи с отказом переезжать его кандидатура была снята. П.П.Лазарев был избран в марте 1917 г. после свержения самодержавия и стал первым академиком, проживающим в Москве. Он стал и председателем первого академического учреждения, созданного в Москве в мае 1918 г. — Московского отделения Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС).

Определяющее значение для всей последующей истории страны и судеб отечественной науки имел перевод в марте 1918 г. столицы государства из Петрограда в Москву. В Москву переехал и Наркомпрос, сосредоточивший монопольное руководство всей научной работой в стране. В его ведение перешла и Российская академия наук. Уделяя внимание разработке идеологических основ построения будущего социалистического общества, деятели Наркомпроса и его научного отдела, особенно Д.Н.Артемов и В.Т.Тер-Оганесов, разрабатывали проекты коренной реорганизации Академии наук. Обеспокоенный этим неприменный секретарь РАН академик С.Ф.Ольденбург писал академику П.П.Лазареву 15 августа 1919 г.: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемов и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке. Науку, конечно, никто и ничто никогда не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизаций для спасения дела, но упорно встает вопрос топлива, и смерть косит...» [7]. Разрабатывавшиеся проекты утверждены не были.

Привлекая к созданию государственной системы научно-исследовательских институтов и к деятельности вновь создаваемых государственных органов, как, например, Госплан, таких выдающихся деятелей русской науки, как академики А.Ф.Иоффе, В.Н.Ипатьев, А.Н.Крылов, Н.С.Курнаков, П.П.Лазарев, В.А.Стеклов и другие, политическое руководство страны первоначально относило Академию наук в целом, в связи преобладанием в ее составе представителей гуманитарных отраслей знания, к числу культурно-просветительных организаций. Это проявилось и в решении Политбюро ЦК РКП(б), принятом 11 мая 1922 г. по докладу председателя Моссовета Л.Б.Каменева о положении находившихся в Петрограде Академии наук и Публичной библиотеки.

В первом постановлении высшего политического органа об Академии говорилось: «Поручить тов.Рыкову наблюдение за тем, чтобы существование таких учреждений, как Академия наук и Публичная библиотека, было обеспечено хотя бы в минимальной степени, с тем, однако, чтобы их низшие просветительные ячейки не были уничтожены...» [8].

Несмотря на бурный рост исследовательских учреждений в ведомственно-отраслевой системе советских наркоматов и особенно сети научно-исследовательских институтов НТО ВСНХ, на создание и развитие Коммунистической академии, авторитет и значение РАН как выдающейся научной и влиятельной международной организации оставались непоколебимы. Это особенно проявилось в 1925 г. в связи с подготовкой и проведением 200-летнего юбилея Академии наук. В канун его празднования Российская академия наук была переименована в Академию наук СССР, выведена из числа научных учреждений Наркомпроса и подчинена непосредственно Совету Народных Комиссаров СССР. Это предопределило дальнейшее вторжение власти во все сферы академической жизни.

Основные торжества по случаю 200-летия Академии прошли в Ленинграде, а затем были продолжены в Москве как общегосударственный праздник. 13 сентября 1925 г. участники празднования и иностранные гости прибыли в Москву, где в Большом зале Консерватории состоялось юбилейное заседание. На следующий день, 14 сентября 1925 г., прошел торжественный пленум Моссовета, посвященный юбилею Академии наук СССР. Следует отметить, что при разработке плана юбилейных мероприятий в Москве правительственной комиссией было внесено предложение о проведении демонстрации на Красной площади, но на заседании Политбюро ЦК 27 августа 1925 г. было признано «нежелательным устройство демонстрации в Москве по поводу юбилея Академии наук» [9].

С переходом Академии наук в непосредственное ведение Совнаркома СССР, в структуре которого было создано Управление научными учреждениями во главе с управляющим делами правительства Н.П.Горбуновым, все принципиальные вопросы деятельности Академии решаются в Москве. Здесь принимается 18 июня 1927 г. новый (первый советский) Устав Академии наук. Накануне его утверждения правительством проект Устава был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 26 мая 1927 г. по докладу председателя СНК СССР А.И.Рыкова, председателя Комиссии для связи и наблюдения за работой Академии наук В.П.Милютина и Н.П.Горбунова. Утверждая проект Устава, Политбюро внесет в него и несколько поправок, происхождение одной из которых вызовет бурные дискуссии в

Академии на рубеже 20-х и 30-х годов [10]. Эта поправка касалась положения Устава АН СССР о лишении академиков звания действительных членов Академии. Именно на заседании Политбюро ЦК 28 мая 1927 г. этот 22-й пункт Устава [11] был утвержден в следующей редакции: «Академик лишается своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР» [12].

На основании нового Устава были подготовлены и проведены выборы 1929 г., когда состав действительных членов АН СССР практически удвоился и среди них появились первые академики-коммунисты. Большинство из 42-х вновь избранных действительных членов Академии наук были москвичами (60%). В Москве жили все академики-коммунисты — Н.И.Бухарин, Г.М.Кржижановский, М.Н.Покровский, Д.Б.Рязанов, И.М.Губкин, Н.М.Лукин, А.М.Деборин, В.М.Фриче; здесь работали математик Н.Н.Лузин, физик Л.И.Мандельштам, химики А.Н.Бах, Н.Я.Демьянов, Н.Д.Зелинский, А.Е.Чичибабин, механик С.А.Чаплыгин, геологи А.Д.Архангельский, В.А.Обручев, биологи В.С.Гуревич, М.А.Мензбир, Д.Н.Прянишников, историки М.К.Любавский, Д.М.Петрушевский, экономист П.П.Маслов, языковед М.М.Покровский, литературовед П.Н.Сакулин. Количество академиков, проживавших в Москве, еще более увеличилось после выборов 1930, 1931 и особенно 1932 гг., на которых было избрано 33 новых академика [13]. Можно даже утверждать, что с 1932 г. число действительных членов Академии наук, работавших в Москве, стало преобладающим, хотя в городе практически не было академических научных учреждений.

Следует отметить, что в изданном в 1930 г. справочнике «Научные работники Москвы» (Л. Изд-во АН СССР) приводились сведения о 8056 деятелях науки, искусства, литературы, техники, краеведения и т.д., проживавших в Москве и ее окрестностях.

В 1931 г. была нарушена более чем двухвековая традиция проведения общих собраний Академии наук в ее конференц-зале на Университетской набережной в С.-Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Реорганизуемая Академия была вынуждена перейти к необходимости проведения выездных сессий, на которых обсуждались актуальные вопросы социалистического строительства. Первая чрезвычайная выездная сессия АН СССР была проведена в Москве 21—27 июня 1931 г. и посвящена теме: «Что может дать наука для осуществления лозунга "Догнать и перегнать капиталистические страны"».

В связи с реорганизацией советского правительства в 1930 г., когда В.М.Молотов сменил А.И.Рыкова на посту председателя Совнаркома СССР, а Н.П.Горбунов был смещен с должности управляю-

шего делами правительства, Академия наук была передана в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР. Но это продолжалось недолго. 25 ноября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение: «Отчислить Академию наук СССР от ЦИК Союза ССР и подчинить ее во всех отношениях Совнаркому СССР» [14]. В современных условиях, когда рассекречены и стали доступны подлинники протоколов Политбюро, переданные из Президентского архива на государственное хранение, можно удостовериться, что текст приведенного решения написан на отдельном листке рукой Молотова [15], а резкость формулировки позволяет предположить, что принятое решение написано под диктовку Сталина.

Именно эта акция вождей привела к принятию 13 декабря 1933 г. постановления ЦИК СССР о передаче АН СССР в ведение Совнаркома СССР «в целях достижения более тесной связи работы Академии наук Союза ССР с практикой социалистического строительства и для установления планомерного и тесного сотрудничества Академии наук с народными комиссариатами и Государственной плановой комиссией Союза ССР» [16]. Но все наркоматы и Госплан находились в Москве.

Это постановление было принято в период подготовки к XVII съезду партии, проходившему в январе—феврале 1934 г. и получившему тогда же название «съезда победителей», а сейчас мы чаще вспоминаем о нем, как о расстрелянном съезде. На нем Сталин провозгласил и победу культурной революции в стране. Составной ее частью было бурное строительство научно-исследовательских институтов, главным образом в различных областях промышленности, проведение и подготовка в Советском Союзе ряда международных научных конгрессов, возросшее число специалистов, подготовленных советской высшей школой, рост аспирантуры, введение ученых степеней и званий и т.д. Москва уже формировалась как один из крупнейших центров советской науки. С переводом же Академии наук — она становилась и влиятельнейшим очагом науки мировой. Консолидация в Москве как «столице первого в мире социалистического государства» всего наиболее ценного, что было в различных областях научной мысли, отражало претензии сталинского руководства на лидирующее положение в мире, на пропагандистское провозглашение побеждающему социализму роли подлинного носителя мирового прогресса. Обосновывая выдвижение лозунга о превращении СССР в мировой научный центр, центральный орган партии газета «Правда» 10 сентября 1934 г. в передовой статье в день открытия Международного научного съезда, посвященного 100-

летию со дня рождения Д.И. Менделеева, отмечала: «Все лучшее, что есть в рядах ученых всего мира, тяготеет к нашей стране, осваивающей культурное наследство и упорно продвигающейся вперед. **Мировой научный центр все более перемещается в СССР, где навсегда сорваны оковы эксплуатации, рабства и открыт широкий простор науке и технике**».

В этих условиях логически обоснованным выглядело последовавшее 25 апреля 1934 г. постановление СНК СССР о переводе Академии наук СССР в Москву, в котором говорилось:

«1. Перевести к 1 июля 1934 г. Академию наук в Москву.

2. Поручить Президиуму Академии наук разработать конкретный план перевода учреждений Академии наук и нового строительства для Академии наук в Москве» [17].

Данное постановление СНК СССР было подписано после утверждения его в этот же день на заседании Политбюро ЦК. Политбюро не только санкционировало принятие правительственного акта, но и постановило дополнить его двумя конкретными предложениями:

«б) Предложить Моссовету в декадный срок представить на утверждение СНК СССР план размещения Академии наук и ВИЭМ в Москве.

в) Перевести суммы, ассигнованные на новое капитальное строительство Академии наук и ВИЭМ в 1934 г. из Ленинграда в Москву» [18].

Сравнение принятого решения с подлинником протокола и подготовительными материалами показывает, что этот вопрос был внесен на Политбюро Молотовым, представившим машинописный проект, на котором сверху им было написано синим карандашом: «*Проект постановления ПБ*». На проекте имеются собственноручные росписи: «За — Молотов; В.Куйбышев; За И.Сталин; Орджоникидзе за». Следует отметить, что виза Сталина написана и подчеркнута синим карандашом, а затем еще раз подчеркнута и красным карандашом. В ходе обсуждения единый проект был подразделен на постановление СНК СССР и протокольное постановление Политбюро. Эти постановления первоначально затрагивали лишь вопрос об Академии наук, а дополнение «и ВИЭМ» в оба пункта протокольного постановления Политбюро вписано рукой Сталина. Окончательное оформление решения Политбюро выполнено и завизировано секретарем Сталина Поскребышевым [19].

Для ускорения строительства Академии наук и ВИЭМ Политбюро 25 мая 1934 г. поручило Кагановичу и Куйбышеву рассмотреть этот вопрос и внести свои предложения [20].

Свертывание работ, перевод и размещение Академии наук — ее президиума, институтов с научным оборудованием, академиков и

научных сотрудников, которых по чужой прихоти срывали с насиженных мест, оказалось более сложным делом, чем это представлялось партийно-государственному руководству страны. Тем более невозможно было никакое ускорение строительства в предельно сжатые сроки, определенные для переезда. Не дожидаясь представления плана, который было поручено разработать Академии, Политбюро по настоянию Сталина принимает 13 июня 1934 г. отредактированное им постановление ЦК «О размещении в г.Москве учреждений Академии наук СССР и ВИЭМ» [21].

В этом оперативно скомпонованном специальном решении ЦК ВКП(б) предусматривалось:

«Впредь до осуществления Академией наук нового строительства для полного размещения всех своих учреждений — предоставить Академии наук для немедленного перевода в Москву президиума и основных учреждений следующие помещения:

1. Для президиума — дом №32/34 по Б.Калужской ул. (быв. дворец в Нескучном саду), предложив Наркомпросу перевести в декадный срок Музей народоведения в его основное здание (в так называемую Ноевскую дачу).

2. Для Химической ассоциации.

Помещение Научно-Исследовательского Нефтяного Института (ГИНИ) и научно-исследовательского торфяного института (Б.Калужская, д.73). Нефтяной институт перевести в Баку, а в отношении торфяного института поручить НКТП перевести его либо в район Редкинских болот, либо в пределах Москвы — за счет своей площади.

3. Для Геологической ассоциации.

а) Помещение научно-исследовательского института асбеста (Старо-Монетный пер., 29) с переводом института в Ленинград;

б) помещение научно-исследовательского института удобрений (Пыжовский пер., 7), освобождаемое в связи с переводом института в новое помещение;

в) помещение Научно-исследовательского института местных стройматериалов (Пыжовский, 5), объединив работу института стройматериалов с работой института сооружений в Москве;

г) помещение Научно-исследовательского геолого-разведочного института, размещающегося в здании нефтяного института (Б.Калужская, 73).

4. Для Биологической ассоциации:

а) помещение медико-биологического института (Б.Калужская, 67). Вопрос об объединении работы этого института с работой аналогичных институтов Наркомздрава передать на разрешение комиссии в составе тт.Стецкого, Каминского, Федорова и Волгина;

б) помещение Научно-исследовательского института огнеупоров (Пыжевский, 7) с переводом этого института по усмотрению НКТП в Харьков или Ленинград.

5. Передать для частичного размещения учреждений физико-математической ассоциации помещение Лазаревского института (3-я Миусская, д.3) и помещение Научно-исследовательского цементного института (Старо-Монетный, 33/35) с переводом Цементного института в Ленинград.

6. Предрешить развертывание нового строительства Академии наук в районе Калужской улицы.

Поручить президиуму Моссовета в соответствии с планом строительства отвести участки под строительство.

7. Поручить московским организациям и НКЛП проработать вопрос о переселении Научно-исследовательского текстильного института (Б.Калужская) в другое помещение в г.Москве с передачей помещения Научно-исследовательского текстильного института Академии наук» [22].

Приведенное постановление ЦК ВКП(б) устанавливало, что в первую очередь из Ленинграда в Москву переводятся Президиум Академии наук, Химическая и Геологическая ассоциации, а также часть Биологической и Физико-математической ассоциаций. Никаких предварительных продуманных условий для столь масштабного перемещения исследовательских учреждений в Москву создано не было. Более того, только для их размещения музеев и 12 московских научных институтов снимались с обжитых мест, переводились в другие помещения в Москве или им предписывалось срочное перемещение в другие города — Ленинград, Харьков, Баку или Редькино (Тверской области). Соответствовали ли освобождаемые помещения, как правило, научных институтов промышленности, нуждам академических учреждений, этот вопрос не заботил политическое руководство страны. Оно предписало самой Академии наук представить в правительство рассчитанный на 5 лет план развертывания нового строительства с определением ежегодно вводимой в эксплуатацию части помещений. Постановление ЦК не предусматривало выделение специальных средств на осуществление данного проекта, оно предписало перевести 4,5 млн руб., ассигнованных на 1934 г. на новое строительство в Ленинграде, «на проектирование и освоение отводимых участков в Москве» [23].

Для размещения ВИЭМа выделялось два этажа (7 тыс. кв. метров) в новом здании Института экономики, организации и оздоровлении труда ВЦСПС на Ленинградском шоссе и передавались помещения Биохимического института им. А.Н.Баха и Института экспериментальной биологии профессора Н.К.Кольцова на

Воронцовом поле. ВИЭМу также предлагалось представить пятилетний план строительства, размер ассигнований на которое поручалось определить СНК СССР, и предreshалось развертывание строительства ВИЭМ «в районе Всехсвятского в направлении к Москва-реке на месте теперешнего полигона» [24].

Для наблюдения за ходом осуществления перевода учреждений Академии наук и ВИЭМ в Москву постановлением ЦК ВКП(б) от 13 июня 1934 г. была образована постоянная правительственная комиссия под председательством заместителя председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР З.М.Беленького. В состав правительственной комиссии вошли заведующий Агитпропотдела ЦК А.И.Стецкий, председатель Моссовета Н.А.Булганин, председатель Ленинградского исполкома И.Ф.Кодацкий, непрременный секретарь АН СССР академик В.П.Волгин и директор ВИЭМ Л.Н.Федоров. Этой комиссии не только поручалось разработать календарное расписание переезда отдельных учреждений и все прочие мероприятия, связанные с переводом в Москву, за этой же комиссией закреплялись все помещения и квартиры Академии наук и без ее разрешения запрещалось использование освобожденных Академией наук в Ленинграде помещений.

К переводу Академии наук была подключена и партгруппа АН СССР. На нее возлагался контроль над переводимыми работниками Академии и поручалось «не переселять в Москву лиц, которых можно подобрать в самой Москве» [25].

В Москве всегда было трудно с жильем, а середина 30-х годов в этом отношении наверняка сложнейшее время. Поэтому значительнейшая часть постановления ЦК ВКП(б) от 13 июня 1934 г. была посвящена вопросу о квартирах для Академии наук и ВИЭМ. Для обеспечения квартирами в Москве для Академии наук предписывалось изъять жилую площадь в заканчивавшихся новостройках Наркомвода (1-я Мещанская, 66/68), Института связи НКПС (1-я Мещанская, 128/130), Наркомснаба (Б.Каретный, 17), Управления Делами СНК СССР (Спиридоновка, 24), Наркомфина РСФСР (на М.Бронной) 58 квартир площадью 4350 кв. метров. В домах, строящихся для Госбанка СССР, НКТП и НКСвязи, изымалось 11100 кв. метров.

Остальные квартиры ЦК партии предполагал получить «за счет перевода в Ленинград следующих институтов и учреждений на освобождаемую в Ленинграде Академией наук площадь»: Институт повышения квалификации педагогов и Институт новых языков Наркомпроса (М.Харитоньевский пер., 4), Финансово-экономический институт (Бабушкин пер., 4), Научно-исследовательский институт труда и санитарии Наркомздрава (Б.Пироговская, 11), Рыбный

институт и Институт океанографии (Пятницкая, 33), Институт внешней торговли и Институт монополии внешней торговли Наркомвнешторга (ул.Горького, 56), Госпроект Наркомснаба СССР (Ильинка, 6), Гипрогор Наркомхоза (Ипатьевский пер., 2 и в Деловом Дворе), Промстройпроект НКТП (Б.Черкасский пер., дд.2 и 10 и Спасо-Голенищенский пер., 8), Гипродрев Наркомлеса (Рыбный пер., 3), Горстройпроект НКТП (Мясницкая, 8), Сантехпроект Наркомтяжпрома (ул. Владимирова, 2 и Ильинка, 2/5), Цемпроект (Б.Черкасский, 7/8), Союзводострой НКТП (Никольская, 12), Союзстромстроймашина (Воронцова ул., 1/3), Союзлесобуммашина (Мясницкая, 24), Научно-исследовательский институт геодезии, аэросъемки и картографии (Юшков пер., 6), Водоканалпроект (Лефортово, 45). В этих помещениях освобождалось 25525 кв. метров. Если в каждой из 17 приведенных позиций (от а до с пункта 20-го постановления ЦК) приводятся данные о занимаемой площади, то только в 12-ти из них даются сведения о количестве штатных сотрудников, которые работали в этих институтах и учреждениях. Проведенный подсчет показал, что в них работали 5154 человека [26].

Постановление ЦК «О размещении в г.Москве учреждений Академии наук СССР и ВИЭМ» (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 13 июня 1934 г.) было принято опросом членов Политбюро. Сравнение его текста с подготовительными материалами свидетельствует, что оно было принято на основании достаточно небрежно подготовленного машинописного проекта, который не имеет заверительных подписей его составителей и даже указания о том, от чьего имени будет принято это постановление. Можно утверждать, что представленный в Политбюро (Сталину) документ являлся предложениями Кагановича и Куйбышева по выполнению порученного им 25 мая 1934 г. для рассмотрения вопроса о строительстве АН СССР и ВИЭМ в Москве. Эти предложения подменяли вопрос о строительстве для переводимых из Ленинграда научных учреждений вопросом о размещении их за счет освобождения помещений московских институтов и проектных организаций и квартир их сотрудников. Подготовленные наброски предложений были представлены Кагановичем и Куйбышевым непосредственно Сталину, обсуждены с ним и после внесения Сталиным редакционных поправок подписаны ими. На первой странице имеются собственноручные росписи: За /И.Сталин, Л.Каганович, В.Куйбышев. Ниже подпись Я.Рудзутака и две надписи: «т.Ворошилов категорически против 14 пункта [подпись неразборчива]» и «Прошу квартир не отбирать обратно. За С.Орджоникидзе. 13/VI» [27].

Надпись о том, что «тов. Ворошилов категорически против» повторена и на полях у п.14. Этот пункт предрешал передачу для

строительства ВИЭМ полигона Наркомата обороны, но эти возражения не были учтены. Сталин в этот пункт внес лишь уточнение в состав комиссии по подысканию места нового полигона, включив в ее состав в дополнение к Н.А.Булганину, председателю Мособлисполкома Н.А.Филатову и командующему Московским военным округом А.И.Корку еще и Л.М.Кагановича [28].

Необходимо отметить такую особенность проведения опроса членов Политбюро по данному вопросу, как отсутствие мнений В.М.Молотова — председателя Совнаркома СССР, в ведении которого находилась Академия наук, С.М.Кирова — секретаря Ленинградского обкома партии, М.И.Калинина — председателя ЦИК СССР. Более того, их фамилии не упоминаются в оформленной и дважды повторенной «разметки рассылки» принятого постановления [29]. Да и в целом проект постановления подписали лишь 5 из 15 членов и кандидатов в члены Политбюро. На следующий день, 14 июня 1934 г., это решение было оформлено как постановление СНК СССР [30].

О недостаточной продуманности и согласованности принятого постановления свидетельствовало и то, что еще 9 июня 1934 г. СНК СССР принял решение о передаче здания Геохимического института АН СССР Ленинградскому государственному университету. Это решение было вынуждено утвердить Политбюро 17 июня «в изъятие из постановления ПБ от 13 июня» [31]. А 4 августа 1934 г. Политбюро разрешило Наркомздраву РСФСР «не переводить в Ленинград институт промсанитарии и гигиены труда, оставив его в помещении по Б.Пироговской ул., д. №11» [32]. Вопрос о перемещении московских институтов и учреждений в Ленинград в связи с переводом Академии наук СССР из Ленинграда в Москву требует дополнительного изучения.

Когда была определена в основном схема размещения в Москве академических учреждений, 26 июня 1934 г. состоялось первое заседание Президиума Академии наук СССР в Москве. В этот день вся советская пресса сообщила, что Президиум Академии во главе с президентом АН СССР академиком А.П.Карпинским, которому шел 88-й год, выехал в Москву. 27 июля вся вторая полоса газеты «Правда» была посвящена началу работы Всесоюзной Академии наук в Москве. «Правда» поместила беседы с академиком А.П.Карпинским, академиком В.Л.Комаровым — вице-президентом Академии, академиком В.П.Волгиным — неперменным секретарем АН СССР, заметки академиков А.Д.Архангельского и А.А.Рихтера, информацию о первом заседании Президиума Академии наук СССР в Московском Доме ученых, а также очерк Михаила Кольцова «Академия переехала». В этот же день Президиум АН СССР был принят председателем Моссовета

Н.А.Булганиным, а на следующий день, 28 июня, состоялась встреча президента АН СССР академика А.П.Карпинского с председателем ЦИК СССР М.И.Калининым [33]. Приезд в Москву Президиума АН СССР и проведение здесь его первого заседания было расценено как выполнение постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 апреля 1934 г. о переводе Академии наук к 1 июля 1934 г.¹⁾ Президиум АН СССР, ознакомившись со своим новым помещением и зданиями для институтов, постановил начать перевод в Москву намеченных в первую очередь академических учреждений с 1 августа и закончить его в половине сентября [34].

Но начало перевода было отложено более чем на две недели, так как только 13 августа 1934 г. Политбюро утвердило проект постановления СНК СССР об отпуске средств на расходы по переезду учреждений Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Этим постановлением Академии наук было отпущено из резервного фонда СНК СССР 3 млн. рублей, из которых «на покрытие текущих расходов по переезду 1230 тыс. рублей и на капиталовложения по приспособлению помещений, приспособлению инвентаря, монтажу и демонтажу оборудования — 1770 тыс. рублей» [35]. Это решение было принято на основании представления председателя СНК СССР Молотова с визой: «За Л.Каганович» [36]. Сталин с начала августа по середину ноября 1934 г. находился в отпуске на Кавказе.

На расходы по переезду ВИЭМ было отпущено 3488 тыс. рублей [37].

Фактически переезд Академии наук был осуществлен во второй половине августа—октябре 1934 г. В Москву переехали Физический, Математический, Сейсмологический, Энергетический, Геологический, Петрографический, Микробиологический институты, институты Общей и неорганической химии, Органической химии, Геохимии, Кристаллографии и минералогии, Почвоведения, Генетики, Физиологии растений, Коллоидно-электрохимическая лаборатория. Вместе с научными учреждениями в Москву переехали около 300 высококвалифицированных специалистов, в том числе такие крупные ученые, как академики А.А.Борисяк, С.И.Вавилов, В.И.Вернадский, И.М.Виноградов, В.А.Кистяковский, Н.С.Курнаков, Г.А.Надсон, В.А.Обручев, А.А.Рихтер, А.Е.Ферсман и др. [38].

1) Следует отметить, что дата первого заседания Президиума АН СССР в Москве не была включена в «Летопись Академии Наук СССР (1917—1947)», составляющей содержание книги «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы», не упоминается и в кратких очерках по истории Академии наук, издававшихся позднее.

Составной частью развития академических учреждений в Москве в 1934 г. следует считать и запрещение П.Л.Капице возвращаться для продолжения работы в Англию и принятие постановления СНК СССР от 23 декабря 1934 г. «Об организации в составе Академии наук СССР Института физических проблем» [39].

Когда в октябре 1934 г. переезд академических учреждений завершался и Академия наук приступала к практической деятельности в Москве, отсутствие ее президента выглядело как откровенное непринятие состоявшегося перемещения. Особое беспокойство проявлял по этому поводу председатель правительственной комиссии З.Беленький. 26 октября 1934 г. он направил записку секретарю ЦК ВКП(б) Л.М.Кагановичу и председателю СНК СССР В.М.Молотову. В ней отмечалось, что «Комиссия по переводу Академии наук СССР обеспечила специальное помещение для переезда Президента Академии КАРПИНСКОГО, причем Непременный Секретарь Академии ВОЛГИН вел переговоры с КАРПИНСКИМ о его переезде в Москву. Переезд КАРПИНСКОГО очень важен в связи с тем, что у ряда академиков и профессоров проявляется стремление уклониться от переезда в Москву и переезд в Москву КАРПИНСКОГО явился бы решающим шагом для всей этой группы ученых Академии.

По полученным мною сегодня сведениям КАРПИНСКИЙ упорно под различными предлогами уклоняется от дачи определенного ответа о переезде. Значительное влияние на КАРПИНСКОГО в этом отношении мог бы оказать тов.БУХАРИН, с которым я говорил по этому поводу и который согласен поехать на пару дней в Ленинград для соответствующей беседы с КАРПИНСКИМ.

Считая политически важным переезд КАРПИНСКОГО в Москву в связи с переездом Академии наук, я предлагаю поручить тов.БУХАРИНУ выехать для этой цели в Ленинград» [40].

Оба адресата поддержали предложение Беленького и по их предложению 28 октября 1934 г. Политбюро приняло постановление «О поездке т.Бухарина в Ленинград по делам Академии Наук». Бухарину поручалось выехать «для переговоров с президентом Академии Карпинским о его переезде в Москву» [41]. Нам пока неизвестна точная дата поездки академика Н.И.Бухарина в Ленинград и встречи с президентом АН СССР академиком А.П.Карпинским. Но можно предположить, что успеха она не имела, или визитеру были высказаны какие-то уверения и аргументы, которые снимали остроту той «политической важности», о которой писал озабоченный председатель правительственной комиссии.

Один из биографов президента С.И.Романовский привел в своей книге о нем весьма интересное письмо академика А.П.Карпинского,

наглядно характеризующее позицию старого, мудрого ученого и приоткрывающее те приемы, которыми он пользовался, чтобы уклониться от дачи определенного ответа на вопрос о времени переезда в Москву. На 10—15 ноября 1934 г. была назначена 3-я сессия Ученого совета Казахстанского филиала АН СССР в Москве, посвященная проблемам Большого Алтая и Джекказгана. О ней был извещен президент и его очень ждали. Но в день открытия сессии Александр Петрович писал вице-президенту АН СССР В.Л.Комарову:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Леонтьевич.

Очень и очень сожалею, что не мог выехать в Москву на Казахстанскую конференцию, куда я, ввиду ее большого научного интереса, непременно хотел приехать и остаться в Москве до ноябрьской сессии Академии.

Я полагал, что мое нездоровье не могло препятствовать этой поездке, но мои родные, к мнению которых присоединился и доктор, нашли это невыполнимым. Но случилось и другое обстоятельство: моя внучка, ученица последнего класса в семиклассной советской школе, после первой массовой явки всех учениц в школу захворала дифтеритом и отрезала меня от общения с внешним миром. В моей большой квартире я совершенно изолирован от больной и считаю себя совершенно безвредным для других, которые, однако, могут думать иначе...

В связи с переездом Академии в Москву у меня страшно много работы и притом спешной. Занят без перерыва и ночи почти не сплю...» [42]. (Сам он переедет в Москву лишь в августе 1935 г.)

Оставив вопрос об окончательном переезде президента АН СССР открытым, Политбюро 23 ноября 1934 г. утвердило проект постановления СНК СССР о том, что «в виду того, постановление СНК СССР от 14.VI.1934 г. о переводе из Ленинграда в Москву Академии наук СССР и ВИЭМ выполнено, правительственную комиссию, созданную для наблюдения за выполнением этого постановления ликвидировать» [43]. На проекте этого постановления имеются собственноручные подписи: «За И.Сталин, За Молотов, Каганович» и пометы, что другие члены Политбюро тоже «за» [44].

С переводом Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, с приближением всей ее работы к научному обслуживанию социалистического строительства резко возросло непосредственное вмешательство партийно-государственного аппарата в ее деятельность. Но это уже другая тема...

Работа выполнена при содействии Российского фонда фундаментальных исследований.

Список литературы

1. Уставы Академии наук СССР М., 1974. С.92.
2. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Ч.1. Пг., 1922. С.130.
3. См. *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973. С.28—29.
4. Переписка И.П.Павлова. Л., 1970. С.17—20.
5. *Гуло Д.Д.* Н.А.Умов. М., 1977. С.35.
6. *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.208.
7. Ленин и Академия наук. Сборник документов. М., 1969. С.61.
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.3. Д.292. Л.5.
9. Там же. Д.517. Л.8.
10. *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.227—230.
11. Уставы Академии наук СССР. С.123.
12. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.636. Л.3—4.
13. См. Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 2. 1917—1974. М., 1974. С.19—27.
14. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.935. Л.15.
15. Там же. Оп.163. Д.996. Л.152.
16. Собрание законов СССР. 1933. №73. Ст.444.
17. Там же. 1934. №22. Ст.175.
18. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.944. Л.25.
19. Там же. Оп.163. Д.1021. Л.25—27.
20. Там же. Оп.3. Д.945. Л.54.
21. Там же. Д.947. Л.8, 50—53.
22. Там же. Л.50—51.
23. Там же. Л.51.
24. Там же.
25. Там же. Л.52.
26. Там же. Л.52—53.
27. Там же. Оп.163. Д.1027. Л.56.
28. Там же. Л.58.
29. Там же. Л.54—55.
30. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М., Л., 1950. С.132.
31. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.947. Л.25.
32. Там же. Д. 949. Л.42.
33. См. Правда. 1934. 26—29 июля.
34. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. С.133.
35. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.950. Л.25.
36. Там же. Оп.163. Д.1035. Л.176.
37. Там же. Оп.3. Д.951. Л.17.
38. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С.311—312.
39. Петр Леонидович Капица. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1994. С.466.
40. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.163. Д.1044. Л.35.
41. Там же. Оп.3. Д.954. Л.6.
42. *Романовский С.И.* Александр Петрович Карпинский. 1847—1936. Л., 1981. С.436.
43. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.955. Л.11.
44. Там же. Оп.163. Д.1046. Л.115.